

Эта птица-демон и вправду была трусишкой: стоило Дуань Чанкуну назвать свою секту, как её чуть кондратий не хватил. Если бы он добавил, что они оба — личные ученики, бедняжка, пожалуй, превратилась бы в комок перьев и мяса.

У Няоняо были раны, а соваться в человеческие селения она не смела, так что пока что увязалась за ними. Голосок у неё тихий, сама пугливая — ну совсем не похожа на вредоносного ёкая. Если не считать того, что она категорически отказывалась говорить Мо Линъюню и остальным, откуда родом, вела она себя тихо и смирно.

В последнее время их путь лежал через сплошные пустоши, до городов было ещё далеко. Земля после дождей раскисла, стала липкой и влажной, идти по такой было откровенно неприятно.

И именно в таких условиях они встретили Нин Цина, прибывшего на мечети.

Его простая одежда цвета невыбеленного полотна, волосы, собранные нефритовой шпилькой, приветствие «младшие сородичи» — всё это дышало мягкостью, пропитанной до мозга костей.

Когда он подороже приблизился, стали видны мягкие черты лица и едва заметная улыбка. Мо Линъюнь, кажется, начал понимать, почему его дядя-наставник Нин был мужчиной мечты для стольких адептов.

— Два младших сородича, — позвал Нин Цин.

Дуань Чанкун и Мо Линъюнь сложили руки в поклоне:

— Наставник.

Встреча вышла на редкость удачной. Мо Линъюнь как раз мыл руки, собираясь готовить ужин, когда услышал слова Нин Цина:

— Я направляюсь на Восточную гору. Старший сородич У Цзянь уже вылетел вперед и, должно быть, уже прибыл в пределы Восточной горы.

Хотя казалось, что он говорит это Дуань Чанкуну и ему самому, Мо Линъюнь отлично понимал: Нин Цин вдаётся в такие подробности исключительно ради Цзин Жуна.

Все они были увлечены беседой и даже не заметили притаившуюся сзади птицу-демона — желтую иволгу, чьё лицо мгновенно переменялось.

На следующий день, когда Мо Линъюнь открыл глаза, птицы-демона и след простыл. Все, кроме него, были на редкость равнодушны, и Мо Линъюнь не стал расспрашивать лишний раз.

Нин Цин, глядя на лежащую в ладони резную лодочку, спросил:

— Сейчас на Восточной горе собирается множество заклинателей. Не хотите взглянуть?

— Зачем столько заклинателей? — Мо Линъюнь заинтересовался.

— Трава Юэтань вот-вот созреет, разумеется, все спешат побороться за сокровище, — произнося это, Нин Цин, к немалому удивлению Мо Линъюня, прозвучал как-то отстранённо и холодно. Сам он не мог понять почему.

— Неужели конкуренция настолько жесткая? — поинтересовался Мо Линъюнь. Заклинатели Золотого Ядра уже составляли опору некоторых средних сект, неужели Секта Сюаньтянь отправляет туда сразу двух дядей-наставников на этой ступени?

— Я просто иду полюбоваться величественным зрелищем созревания Травы Юэтань, — Нин Цин понял мысли Мо Линъюня. — На этот раз в секторе уже утвердили старшего сородича У Цзяня во главе отряда, да и учеников медицинского павильона позвали немало, так что проблем возникнуть не должно.

— То есть... заклинатели просто станут делить Траву Юэтань между собой?

— Нет, там есть ещё Великий демон с Восточной горы в роли защитного зверя.

Пока рядом был Нин Цин, им не приходилось тащиться пешком. Стоило Нин Цину влить капельку духовной силы в ту самую крошечную резную лодочку, как она превратилась в огромный корабль. При этом духовные камни в её силовой установке даже не истощились до конца, так что тратить собственные силы ему было не нужно.

Дуань Чанкун смотрел на неё с жуткой завистью: этот летучий артефакт стоил куда дороже того, что недавно разнесло небесной молнией!

Благодаря помощи артефактного корабля четвёрка всего за полдня добралась до подножия Восточной горы, что лежала за тысячи ли отсюда. Слова Нин Цина о скоплении заклинателей вовсе не были преувеличением: здесь царило такое столпотворение, что незнающий человек мог подумать, будто они пришли на ярмарку.

Однако большинство людей смелости хватало лишь на то, чтобы держаться у подножия — словно в самой горе таилась какая-то смертельная опасность.

Стоило им войти в гору, как людей вокруг заметно поубавилось. Мо Линъюнь одной рукой придерживал за рукав собственного наставника и одновременно спрашивал:

— Наставник, разве Трава Юэтань не растет внутри Восточной горы? Почему они все не идут в гору?

— Младший сородич Линъюнь знает, кто такой великий демон? — Нин Цин с бамбуковой тростью в руке выглядел весьма безмятежно.

— Чего? Огромный такой монстр?

— Это ёкай стадии Золотого Ядра и выше, способный принимать человеческий облик, — методично пояснил Нин Цин.

Мо Линъюнь, державшийся за бамбуковую трость, слегка вздрогнул и неловко усмехнулся:

— Ха-ха... Значит... кхм?

— Великий демон Восточной горы — это тысячелетний тигр, обладающий культивацией средней ступени Золотого Ядра. Он и обосновался в глубинах Восточной горы. — Словно сообразив, что напугал младшего сородича слишком сильно, Нин Цин добавил: — Не бойся, охраняемый массив на горе уже развёрнут, он тебе не навредит.

— А-а, понятно.

Цзин Жун от природы был немногословен, а в присутствии Дуань Чанкуна порой за весь день не вымолвил бы и слова. Дождавшись, пока Нин Цин отделается от обоих младших сородичей, он наконец обратился к нему по имени: — Чжэлань.

— Разве младший сородич Дуань ничего не понял? — уголки губ Нин Цина чуть приподнялись.

Цзин Жун знал, что тот намекает на его личину, и глухо угукнул, вынужденный признать: этот младший сородич и впрямь простоват. Попадись на его месте любой другой гордый талант их поколения, личность Цзин Жуна давно была бы раскрыта.

— Ты прибыл на Восточную гору только ради Травы Юэтань? — Цзин Жун извечно предпочитал переходить сразу к сути. Трава Юэтань, конечно, драгоценная духовная трава, крайне полезная как в зельеварении, так и в алхимии, но с характером Нин Цина ему совершенно не было нужды тащиться за тысячу ли ради какого-то растения.

По сравнению с Нин Цзином, Трава Юэтань привлекала целителей куда сильнее.

Нин Цин лишь улыбнулся в ответ, храня молчание, что сошло за молчаливое согласие с догадкой Цзин Жуна.

Раз уж созревание Травы Юэтань — дело столь важное, Янь Хуай девять шансов из десяти явится сюда. Нин Цин пришёл не затем, чтобы глазеть на созревание духовной травы, а чтобы подкараулить Янь Хуая.

— Пути ваши расходятся, к чему всё это? — К подобным выходкам своего соученика Цзин Жун порой относился с беспомощной досадой.

— Культиватор демонов — это ярлык, который обыватели навешивают на Призрачного Врача по собственному капризу. Какое отношение это имеет к нему самому? — Заводя речь об этом человеке, Нин Цин никогда не отступал, демонстрируя изрядную долю свободомыслия и бунтарства.

— Тебе следовало бы знать меру в своих поступках.

— Я знаю, старший сородич. — Это обращение прозвучало как признание поражения. Цзин Жун на мгновение умолк, после чего произнес: — Мне неудобно видеться со старшим сородичем У Цзянем, так что я сперва спущусь с горы. Чжэлань, присмотри за ними.

— До какой степени присматривать? — Настроение Нин Цина сегодня явно было отменным, раз он даже позволял себе шуточки.

Цзин Жун, казалось, даже всерьёз задумался над вопросом:

— Главное, чтобы их не сожрали.

— Хорошо.

Мо Линъюнь, ничтоже сумняшеся, прогуливался по Восточной горе, понятия не имея, что в глазах наставника его главная задача — просто не стать чьим-то обедом. На горе росло немало съедобных диких фруктов; он сорвал один на пробу — кислый, но его наставник и дядя-наставник, кажется, больше любили сладкое.

Дуань Чанкун же был всеяден — ел всё, что дадут.

Прогуливаясь вдвоём, они мало-помалу обнаружили нечто необычное: на земле виднелись следы крови.

Кровь, затерявшаяся среди сорной травы, бросалась в глаза не слишком сильно, но выглядела ещё свежей.

Оба синхронно замерли. Мо Линъюнь медленно выплюнул косточку — всё, аппетит пропал.

— Неужели человеческая кровь? — Дуань Чанкун, чей багаж медицинских знаний грозил полностью испариться, нерешительно замялся.

— Младший сородич Дуань, разве в этом вопросе ты не должен разбираться лучше меня?

— Пожалуй, ты прав. — Дуань Чанкун присел на корточки и внимательно изучил находку. — Не человеческая. Похоже на кровь крупного зверя.

— Судя по всему, зверя небывало крупных размеров. Может, пойдём проверим? — Дуань Чанкун загорелся интересом: при таких объемах кровопотери и таком цвете зрелище обещало быть поистине любопытным.

— Я могу отказаться? — Во рту у Мо Линъюня всё еще кислило — то ли от того фрукта, то ли от предчувствия.

— Пойдём вместе, старший сородич Мо, — протянул Дуань Чанкун жалобным тоном.

Парочка безбашенных глупцов, не ведающих страха, двинулась по кровавому следу навстречу приключениям. Мо Линъюнь про себя прокручивал слова Нин Цина о том, что любые колебания духовной энергии тут же активируют горный массив, и тогда остальные заклинатели мигом примчатся на помощь. Если дело обстоит так, то даже при встрече с Великим демоном Восточной горы им не придется опасаться мгновенной гибели.

Пройдя минут десять по горной тропинке, Мо Линъюнь подумал, что его способность накликать беду, кажется, снова вышла на новый уровень: даже произносить ничего не надо, желания исполняются прямо в мыслях.

Дуань Чанкун, уставившись на тигра, развалившегося на валуне, тоже потерял дар речи. Это был исполинский зверь с буровато-желтой шерстью, покрытой сплошными черными полосами, и крепкими мускулистыми лапами. Диссонируя с этой мощью, всё его тело было исполосовано перекрещивающимися ранами.

Казалось, зверь вовсе не замечал их присутствия: он тяжело хрипел, слизывая кровь с ран, делал попытку подняться, но все четыре лапы подламывались, и он снова падал на камень. Одно движение выдавало: у него на хвосте висели преследователи.

Когда мужчина с бамбуковой флейтой бесшумно опустился из ниоткуда, Дуань Чанкун решил, что невезение преследует именно его: почему опять Янь Хуай?!

Черная маска по-прежнему скрывала его лицо, в руке он держал самую обыкновенную бамбуковую флейту, а голос его звучал предельно безразлично:

— Оставь внутреннее ядро, и я дарю тебе жизнь.

Среди деревьев внезапно грянул тигриный рык. Округа, до того просматривавшаяся насквозь, заволочлась густым туманом, а над лесом зазвучали неторопливые звуки флейты. От столкновения двух сил Дуань Чанкуна вместе с Мо Линъюнем отбросило на десяток метров. Сквозь клубящуюся дымку они смутно разглядели лишь то, как ёкай поднялся на ноги и, взмахнув хвостом, бросился прочь в чащу.

Самого Янь Хуая они не увидели — лишь услышали, как звуки флейты постепенно затихают вдалеке.

Туман, поднятый тигром, долго не рассеивался, едкий и колющий глаза. Дуань Чанкун следом за Мо Линъюнем выбрался наружу и по пути встретил немало заклинателей, летевших на мечях в сторону самой густой завесы тумана.

Очевидно, все они спешили поймать того тигра.

Дуань Чанкун шмыгнул носом и не удержался от жалобы:

— Человек... Как этот человек может с таким невозмутимым видом требовать внутреннее ядро у демона?

— Наверное, у него есть на то основания? — По сравнению с растерянным Дуань Чанкуном, Мо Линъюнь держался куда спокойнее.

Мо Линъюнь бросил взгляд на хмурое небо:

— Скоро пойдет дождь, лучше нам поскорее вернуться?

— Пожалуй. Сначала вернемся к подножию.

Не успели Мо Линъюнь и его спутник спуститься с горы, как хлынул ливневый дождь, смешавшись с сумерками, отчего небо сделалось совершенно свинцовым.

Нин Цин стоял под свесом крыши, молча глядя на потоки воды, пока Цзин Жун, раскрыв зонт, не затащил его внутрь помещения. Если не приглядываться, трудно было заметить, как слегка подрагивало его тело: дождливая погода неизменно бередила старые раны. На севере дождей выпадало мало, и посторонним заметить это было трудно, а вот в Южных Землях дело обстояло иначе — сезон сливных дождей тянулся бесконечно.

— Старший сородич, — окликнул его Нин Цин.

— Мм. — Цзин Жун дал понять, что слушает, а соломенную шляпу он уже отложил в сторону.

— Сейчас дождь не такой сильный, как тогда, — Нин Цин кивнул на окно и с опозданием заметил, что Цзин Жун его уже закрыл. Он тихонько улыбнулся, опустив взгляд, и пробормотал себе под нос: — В тот раз только у тебя и хватило смелости прийти и вытащить меня.

Цзин Жун понятия не имел, к чему вдруг Нин Цина потянуло на ностальгию — он от природы не умел разгадывать чужие мысли, поэтому перед самым раскатом грома ответил лишь одно:

— Ты мой младший сородич, я разумеется должен тебя защищать.

Они были соучениками уже двадцать восемь лет, еще с тех пор, как Нин Цин лежал в пеленках — такой крошечный свёрток, мягкий и маленький, из-за которого Цзин Жун вечно боялся случайно задеть его и сделать только хуже.

А может, и не боялся — у этого младшего сородича с рождения было больное сердце. Даже дядя-наставник Цин Сюань говорил, что вылечить его полностью невозможно, и кто знает, в какой день недуг обострится и он угаснет.

Отношение остальных сородичей к Нин Цину было довольно неопределенным, но ребенок родился пригожим, язык у него был подвешен сладко, и с юных лет он умел располагать к себе людей; даже обычно невозмутимый старший ученик Пика Цинюэ Линь Удуань при виде Нин Цина мог позволить себе улыбку.

Размышляя об этом, Цзин Жун заметил, как сидевший напротив Нин Цин вздрогнул — пусть ветер с дождем и не залетали в комнату, боль всё равно отдавала в самые кости.

— Я пойду попрошу принести жаровню с углями, — Цзин Жун взял соломенную шляпу и поднялся.

— Какое лето, откуда у хозяев дома уголь для жаровни? — Нин Цин лишь улыбнулся и легонько постучал пальцем по соломенной шляпе Цзин Жуна. — Лучше составь мне компанию за партией в го.

— Мне тебя не обыграть, — честно признался Цзин Жун.

Раздавшийся стук в дверь прервал их разговор. Нин Цин приоткрыл створку и увидел Мо Линъюня, державшего в руках пиалу с супом:

— Наставник, я тут пока готовил ужин, заодно сварил порцию и для вас, не хотите попробовать?